

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.511.112.0

Поэзия писателей-карелов в переводах В. Агапитова*

Чикина Н.В.¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию творчества писателей-карелов. Проанализированы переводы, выполненные В. Агапитовым как на русский литературный язык, так и на заонежский говор русского языка. Выявлены основные особенности перевода: Агапитову удалось передать ритмику и смысл произведений, правда, внося в них несколько изменений. Отражена образная система. Удачность передачи ритма осуществляется за счет языковой особенности заонежского говора русского языка, при котором ударение в словах часто падает на первый слог, а в карельском языке ударение всегда падает на первый слог. Отмечены отличительные черты в произведениях. Ценность переводов на русский литературный язык состоит в первую очередь в расширении читательского круга, а на заонежский говор – возможностью показать, как поэзия карелов может звучать на нем.

Ключевые слова: карелоязычная литература, русская литература, Карелия, Заонежье, поэзия, стихотворение, историческая память.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00034.

Poetry by ethnic Karelian writers as translated by V. Agapitov

Chikina N.V.¹

Abstract. The article investigates the literary works of ethnic Karelian writers. Translations made by V. Agapitov into the standard Russian language and into the Zaonezhnye patois of Russian were analysed. The specific features of the translations were identified: Agapitov managed to convey the rhythmic pattern and meanings of the verses, although introducing some modifications. The system of images has been portrayed. The accurate rendition of the rhythm is due to the linguistic feature of the Zaonezhnye patois, in which it is common to stress the first syllable, while in Karelian the stress is always on the first syllable. Distinctive features of the works are highlighted. Translations into standard Russian are primarily valued as the possibility to enlarge the audience, while translations into the Zaonezhnye patois demonstrate how poetry by Karelians can sound in this patois.

Keywords: literature in Karelian, Russian literature, Karelia, Zaonezhnye, poetry, poem, historical memory.

¹*Чикина Наталья Валерьевна. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. ул. Пушкинская, 11, 185910, г. Петрозаводск, Российская Федерация.*

Chikina Natalya Valerievna. The Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Folklore Studies and Literary Studies (with phonogram archive). Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre RAS. Pushkinskaya str., 185910, Petrozavodsk, Russian Federation.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

© Н.В. Чикина

Вячеслав Агапитов переводил писателей-карелов, как на русский литературный язык, так и на заонежский говор. Всего им переведено восемь стихотворений В. Брендоева, пять – М. Пахомова и одно В. Вейкки. На заонежский говор Агапитов перевел четыре стихотворения поэта-людика Мийкула Пахомова “Oližbo riijeh...” («Был бы парус...»), “Lähted...” («Уйдешь...»), “Voi elo, siä oled lind!...” («Живи, птица!..»), “Heimon

hended” (“Души племени”) и одно поэта-ливвика Васи Вейкки “Tuli gu neidine čoma...” («Пришла, как девушка красивая...»).

Первые три перевода были опубликованы в сборнике «Святая салма». Стихи короткие, поэтому считаем возможным, привести их примеры с переводами полностью. В первом, лирический герой, как рыбак или моряк, надеется на свет в окне и встречу:

Пахомов	Агапитов	Подстрочный перевод (здесь и далее – Н.В.Ч.)
Oližbo purjeh	Этто бы парус	Был бы парус
da airod lujad,	Да крепки весла,	Да весла крепкие,
oližbo ikkunas	В óкне бы гóреть все	Была бы в окне
tuohuz – kyynäl,	Свёченке слезной	Свеча-слеза,
Tuližin kodihe,	Гóдил бы дóмой я,	Пришел бы домой,
armaz, kuule [8, С. 12].	Милая, весной [4, С. 72].	Дорогая, слышишь.

Переводчику достаточно точно удалось передать ритмику и смысл оригинала, правда, герой Агапитова планировал вернуться весной, а у Пахомова указания на это нет.

В стихотворении «Уйдешь...» Пахомов использует анафору, начиная каждую строку с одного и того же слова. В отличие от оригинала Агапитов зарифмовал перевод, в то время как у Пахомова в произведении есть только ритм:

Пахомов	Агапитов	Подстрочный перевод
Lähted – dai tusk minun tulob,	Уйдешь – кó мне тóска прїддя,	Уйдешь – и тоска ко мне придет,
lähted – dai sydän ei lyö,	Уйдешь – нўтро болью въздя,	Уйдешь – и сердце не бьется,
lähted – ed diäta ni mida,	Уйдешь – нїчто не ворóтишь.	Уйдешь – и не оставишь ничего,
lähted – ka mikš lähta pidab? [8, С. 29]	Уйдешь – зáчим уйти хóчешь? [4, С. 73]	Уйдешь – зачем уходить надо?

В стихотворении «Живи, птица!..» переводчику удалось сохранить ритмику и смысл произведения:

Пахомов	Агапитов	Подстрочный
---------	----------	-------------

		перевод
Voi elo, siä oled lind!	Будь здорова, máла птица!	Живи, птица!
En ehtinu kiätä piäd	Нé успел по́вернуть гóловы,	Не успел повернуть голову
ku siä d'o siiriči lendid... [8, С. 38]	Как ты уж мимо лифкану́ла... [4, С. 74]	Как ты уже мимо пролетела...

Удачность передачи ритма осуществляется за счет языковой особенности заонежского говора русского языка, при котором ударение в словах часто падает на первый слог, а в карельском языке ударение всегда падает на первый слог.

Перевод стихотворения “Heimon hened” (“Души племени”) был опубликован в сборнике «Круг северных песен». В стихотворении поэт размышляет над проблемой быстрой утраты традиций, целых пластов национально-культурного наследия:

Aigoiš huondeksel pouzen,	Рано по́утру я выстал,
küzün Äniždärven randal:	Спрóсил я Онежский берег:
“Kusbo miä löüdän meiden	Где же и́скать рóдни слéды,
Heimon kird’attoman dälged?”	Племни пúсьмян не писавших?

[7, С. 36]

Эта тема оказалась близка Агапитову и он решил воплотить ее в переводе. Как людики ощущают себя малочисленным народом среди карелов, так и заонежане со своим говором составляют драгоценную частицу русского языка. Пример Заонежья в очередной раз показывает, что если бы в России не было единого русского литературного языка, то русские жители соседних краев, областей и районов не понимали бы друг друга. Так, только в Карелии русское население Поморья, Водлозерья и Заонежья обладало специфической речью, не говоря уже о всей России.

В стихотворении В. Вейкки «Пришла, как девушка красивая...» осень представлена в образе девушки. И далее, наращивая впечатление об осени-девушке, автор пишет:

Вейкки	Агапитов	Подстрочный перевод
Neidizel guarbalohuulet,	В клюквы у девицы губья,	У девушки губы-клюковки,
Keldaine kassu on pitkü,	Косы – из золота трубья.	Желтая коса длинная,
Vihmat da pohjolan	Зá подол сúверик	Дожди и ветры

tuulet	хваче,	севера
Kiškotah sovät – se itköü... [9, С. 53]	Пóрвал станушку – нонче плаче [3, С. 105].	Треплют одежду – она плачет...

Агапитову удалось передать образы Вейкки, правда, несколько изменив их. В варианте Агапитова косы – толстые, золотые трубы, в то время как Вейкки ограничивается лишь описательным эпитетом. Девушка-осень Агапитова раздета, она в одной станушке, которую за подол схватил сиверик (северный ветер), порвал ее, от чего девушка плачет. У Вейкки – девушка-осень одета, ее одежду треплют ветры и дожди, и от этого она плачет. Оба поэта представили осень живым существом, используя метод олицетворения при котором она обладает качествами свойственными человеку – внешний вид, одежда, действия.

На русский литературный язык Агапитов перевел восемь стихотворения В. Брендоева и одно М. Пахомова. Стихотворение “Muašdärven syguz...” («Осень на Машозере...») написано Пахомовым белым стихом, поэтому Агапитову не составило большого труда перевести его. Лирический герой наслаждается уединением с любимой на природе.

Для перевода творчества поэта-ливвика Владимира Брендоева, Агапитов выбрал два стихотворения “Se on syguzy” («Это осень») и “Lindužet talvel” («Птицы зимой»), написанные для детей, и шесть для взрослых “Valgei valgamoine” («Белая пристань»), “Kuudamoine kannikko...” («Горбушка луны...»), “Sordi linnas lehtet toppoli...” («Роняет в городе листья тополь...»), “Pihlajale” («Рябине»), “Tusku” («Тоска»), “Lumi” («Снег»).

В стихотворении «Это осень» переводчик изменил некоторые образы Брендоева, где-то в сторону уточнения, где-то, наоборот, для обобщения, сохранив главную особенность стиха – ритм, при котором каждая строфа заканчивается предложением «Это осень»:

Брендоев	Агапитов	Подстрочный перевод
Zor'ku huondeksel ei huosta.	Зорька по утрам не греет.	Зорька по утрам не опекает.
Pihakoivus lehti ruostuu.	Березняк в саду желтеет.	Лист березы во дворе ржавеет.
Lapset školah joukol	Платье школьницы	Дети в школу

juostah.	белеет.	группой бегут.
Se on sygyzy [6, С. 140].	Это осень [3, С. 46].	Это осень.

В стихотворение «Птицы зимой» Агапитов включает архаичные слова (рать, лавка, одолеть), которые практически вышли из употребления, но все же встречаются в текстах. Таких образов у Брендоева нет, но, видимо, тесная связь переводчика с заонежской стариной, речью, наводит его на такое видение:

Брендоев	Агапитов	Подстрочный перевод
Meijän pihah pihlajah	На рябину во дворе	В нашем дворе в рябине
Käyväh pienet lindužet,	Мерзлых ягод поклевать	Гуляют маленькие птицы,
Kylmii muarjoi nuokitah	Прилетает на заре	Холодные ягоды клюют
Comat, ruskeirindažet [6, С. 143]	Красногрудых пташек рать [3, С. 48]	Красивые, красногрудые.

Переводя стихотворение «Белая пристань», с цветоописанием у Агапитова мы встречаемся лишь один раз в названии, в то время как Брендоев обращается к нескольким цветам спектра. В первой строке он уточняет, что пристань не просто белая, а белоснежная. Щуку Брендоев рекомендует ловить в глубине синего озера и делать это надо для привлечения девичьего лемби.

При переводе стихотворения «Горбушка луны...» Агапитов сразу меняет образ луны у Брендоева, заменяя его на более привычный для русского читателя серп - «Светлого месяца серп...». Произведение достаточно точно передает смысл оригинала, отступая лишь в двух строках:

Брендоев	Агапитов	Подстрочный перевод
Lammes vetty ammuldau	Черпает воду у скал	Из ламбушки воду черпает
Taivas tähtikauhažel [6, С. 66]	Небо чудесным ковшом [2, С. 70]	Небо звездным ковшом.

Причиной такой замены может быть желание переводчика избежать повтора слова «ламбушка» уже употребленного в первой строфе.

Стихотворение «Роняет в городе листья тополь...» Брендоева существенно изменено Агапитовым за счет введения новых образов, отсутствующих в оригинале, а также лексики. Большинство изменений направлено на улучшение лирики, но уводит читателя от оригинала. Процитируем для примера первую строфу:

Брендоев	Агапитов	Подстрочный перевод
Sordi linnas lehtet toppoli,	Ветер в тополях гуляет гулкий,	Роняет в городе листья тополь,
Mečās sordi lehtet huabu.	А в лесу осина стонет глухо.	В лесу роняет листья осина.
Kuival oksal kirjav korpai'i	Пестрая глухарка в дальнем закоулке	На сухой ветке пестрая глухарка
Ištuu kyhlästäy ku buabo [6, С. 106]	Спит, как захмелевшая старуха [2, С. 58]	Сидит, согнувшись, как старуха.

Первые две строки Агапитов явно переписывает во избежание тавтологии, но возможно Брендоев использовал здесь параллелизм, пусть не совсем удачно. Образ захмелевшей старухи, в котором предстает глухарка, нам кажется особенно неудачным.

При переводе стихотворения «Рябине» Агапитов не только опускает название, начиная его строками «Отчего печальная...», но и вносит существенные лексические изменения в текст, приводящие не только к искажению смысла произведения, но и изменяют этническую составляющую лирики Брендоева, сохранение которой, на наш взгляд, наиболее важно.

Брендоев	Агапитов	Подстрочный перевод
Midä olet atkal,	Отчего печальная,	Что ты тоскуешь,
Pihlai kaidulehti,	Рябина тонкоствольная,	Рябина узкий лист,
Hil'i'akkažih seižot	Молчишь, свеча венчальная,	Тихо стоишь
Yksin kaiken ehtän? [6, С. 89]	Забыв, что была вольною? [2, С. 59]	Одна весь вечер?

Образы деревьев наиболее интересны в поэзии Брендоева, поскольку они несут основную этническую составляющую. Брендоев отходит от традиционных символов,

распространенных в устно-поэтической лирике, и создает свои, отказываясь от имеющихся установок. В частности, известный в литературе и фольклоре образ молодой девушки чаще всего ассоциирующийся с березой, у Брендоева, наоборот, представляет мужчину. В упомянутом выше стихотворении «Рябине», он пишет: «Tulou sinun briha,/ Koivu-valgeituohi» («Придет твой парень,/ Береза-белая кора»). Однако Агапитов отказывается от такой брендоевской находки и заменяет березу на клен.

В стихотворении Брендоева «Тоска» Агапитов вновь опускает название и начинает произведение строкой «Осенний ветер листья обрывает...». Повествование у Брендоева идет от первого лица и звучит как исповедь, лирический герой Агапитова говорит с читателем от третьего лица. Стихотворение достаточно точно переведено по смыслу, смущает лишь концовка.

У Брендоева мать лирического героя верит, что тоска пройдет, угаснет как искра, в то время как у Агапитова «Одной лишь матушке становится больней./ И тут же сердце сына потеплело». В этих строках чувствуется явное противоречие. В стихотворении Брендоева мать является утешительницей для сына, а герой Агапитова, не желая более расстраивать ее, находит в себе силы справиться с тоской. К тому же переводчик выбрал другой стихотворный размер. Стихотворение Брендоева написано хореем, а у Агапитова амфибрахийем.

Образ снега в одноименном стихотворении навевает поэту черемуха: «Vikse, tuomen halvaštaes/ vähäzel ma liikuiñ hajus...» («Видимо, от черемухи в цвету/ слегка у меня трогается ум...»). В переводе Агапитова это звучит как: «Возможно оттого, что в дни ее цветенья/ Не часто голову терял в разгар веселья...» [2, С. 61]. Здесь переводчиком смещены эмоциональные оттенки: лирический герой Брендоева весной «теряет голову» от счастья, в то время как у Агапитова звучат нотки сожаления об упущенных возможностях.

Агапитов не только переводил стихи Брендоева на русский язык, но и посвятил ему свое, написанное на заонежском говоре «Ветка суха с сосны пала...», памяти основателя карелоязычной литературы. Агапитову удалось соединить в одном стихотворении заонежский говор русского языка и ливвиковское наречие карельского языка, процитировав самого Брендоева:

Язык Брендоев свой ведал, Нова порошь, кехтай дело. Laske verkot viluh vedeh, Älä kuundele ni kedä! [1, С. 58]	Язык Брендоев свой знал, Новое поколение, делай дело. Ставь сети в холодную воду, Не слушай ни кого!
---	---

Две последние строки, взятые из стихотворения Брендоева «Белая пристань», адресованы рыбаку, но Агапитов дополнил их новым смыслом, призывая молодое поколение продолжить дело, начатое поэтом.

Ценность переводов на русский литературный язык поэзии писателей-карелов, так же как и стихов вепсского поэта Николая Абрамова [5] состоит в первую очередь в расширении читательского круга, а на заонежский говор русского языка – возможностью показать, как карельская и вепсская поэзии могут звучать на нем в переводах В. Агапитова.

Список литературы и источников

1. Агапитов В. Берег: стихи. Петрозаводск, 2000. 80 с.
2. Агапитов В. Иероглиф прожитого дня: Стихотворения. Переводы. Петрозаводск, 1998. 70 с.
3. Агапитов В. Изотчина: сборник стихов и песен. Петрозаводск, 2012. 111 с.
4. Агапитов В. Святая салма: Проза. Стихи. Переводы. Петрозаводск, 1998. 79 с.
5. Чикина Н.В. Поэзия Н. Абрамова в переводах В. Агапитова // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4-7 июня 2019 г.). Ижевск, 2019. С. 355-359.
6. Brendojev V. Runoja. Petroskoi: Karjala, 1991. 222 s.
7. Pahomov M. Lüüdiland: Runokird' lüüdin heimon kolmes mujus. Kuopio: Snellman-instituutti, 2000. 186 s.
8. Pahomov M. Touhuz ikkunas: runokird'. Petroskoi: Periodika, 1993. 63 s.
9. Veikki V. Eloksen dorogat: vallitut runot. Petroskoi: Periodika, 2003. 95 s.

References

1. Agapitov V. *Bereg: stih* [Coast: Poems]. Petrozavodsk, 2000. 80 p.

2. Agapitov V. *Ieroglif prozhitogo dnja: Stihotvorenija. Perevody* [Hieroglyph of a lived day: Poems. Translations]. Petrozavodsk, 1998. 70 p.
3. Agapitov V. *Izotchina: sb. stihov i pesen* [Native land: a collection of poems and songs]. Petrozavodsk: Verso Publ., 2012. 111 p.
4. Agapitov V. *Svjataja salma: Proza. Stihi. Perevody* [Saint salma: Prose. Poems. Translations]. Petrozavodsk, 1998. 79 p.
5. Chikina N.V. Pojezija N. Abramova v perevodah V. Agapitova [The N. Abramov's poetry in V. Agapitov translations]. *Finno-ugorskij mir v polijetnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov (Izhevsk, 4-7 ijunja 2019 g.)* [Finno-ugric world in polietnicospace of Russia: cultural heritage and new call: Proc. of VI Interregional Workshop (Izhevsk, June 4-7, 2019)]. Izhevsk, 2019, pp. 355-359.
6. Brendojev V. *Runoja* [Poetry]. Petroskoi: Karjala Publ., 1991. 222 p.
7. Pahomov M. *Lüüdiland: Runokird' lüüdin heimon kolmes mujus* [Lyydiland]. Kuopio: Snellman-instituutti Publ., 2000. 186 p.
8. Pahomov M. *Touhuz ikkunas: runokird'* [Candle in window]. Petroskoi: Periodika Publ., 1993. 63 p.
9. Veikki V. *Eloksen dorogat: vallitut runot* [Roads lifes]. Petroskoi: Periodika Publ., 2003. 95 p.